

Акмеизм

Акмеисты в отличие от символистской туманности провозгласили культ реального земного бытия, «мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь». Но вместе с тем они пытались утвердить прежде всего эстетико-гедонистическую функцию искусства, уклоняясь от социальных проблем в своей поэзии. В эстетике акмеизма отчетливо выражались декадентские тенденции, а теоретической основой его оставался философский идеализм. Однако среди акмеистов были поэты, которые в своем творчестве смогли выйти из рамок этой «платформы» и обрести новые идейно-художественные качества (А. А. Ахматова, С. М. Городецкий, М. А. Зенкевич).

Как литературное направление акмеизм просуществовал недолго – около двух лет (1913–1914), но нельзя не учитывать его родовых связей с «Цехом поэтов», а также определяющего влияния на судьбы русской поэзии XX века. Акмеизм насчитывал шесть наиболее активных участников движения: Н.Гумилев, А.Ахматова, О.Мандельштам, С.Городецкий, М.Зенкевич, В.Нарбут. На роль «седьмого акмеиста» претендовал Г.Иванов, но подобная точка зрения была опротестована А.Ахматовой: «Акмеистов было шесть, и седьмого никогда не было». В разное время в работе «Цеха поэтов» принимали участие: Г.Адамович, Н.Бруни, Вас.В.Гиппиус, Вл.В.Гиппиус, Г.Иванов, Н.Клюев, М.Кузмин, Е.Кузьмина-Караваева, М.Лозинский, С.Радлов, В.Хлебников. На заседаниях «Цеха», в отличие от собраний символистов, решались конкретные вопросы: «Цех» являлся школой овладения поэтическим мастерством, профессиональным объединением. Творческие судьбы поэтов, сочувствующих акмеизму, сложились по-разному: Н.Клюев впоследствии заявил о своей непричастности к деятельности содружества, Г.Адамович и Г.Иванов продолжили и развили многие принципы акмеизма в эмиграции, на В.Хлебникова акмеизм не оказал сколько-нибудь заметного влияния.

ИВАН КОЛТАЙ
ГУМИЛЕВ

Шестое чувство

Становление акмеизма тесно связано с деятельностью «Цеха поэтов», центральной фигурой которого являлся организатор акмеизма Н.Гумилев. Современники давали термину и иные толкования: Вл.Пяст видел его истоки в псевдониме А.Ахматовой, полатыни звучащем как «акматус», некоторые указывали на его связь с греческим «асте» — «острие». Термин акмеизм был предложен в 1912 Н.Гумилевым и С.Городецким: по их мнению, на смену переживающему кризис символизму идет направление, обобщающее опыт предшественников и выводящее поэта к новым вершинам творческих достижений. Название для литературного течения, по свидетельству А.Белого, было выбрано в пылу полемики и не являлось вполне обоснованным: об «акмеизме» и «адамизме» в шутку заговорил Вяч.Иванов, Н.Гумилев подхватил случайно брошенные слова и окрестил акмеистами группу близких к себе поэтов. Одаренный и честолюбивый организатор акмеизма мечтал о создании «направления направлений» — литературного движения, отражающего облик всей современной ему русской поэзии.

Иной характер носил акмеизм А.Ахматовой, лишенный тяготения к экзотическим сюжетам и пестрой образности. Своеобразие творческой манеры Ахматовой как поэта акмеистического направления составляет запечатление одухотворенной предметности. Посредством поразительной точности вещного мира Ахматова отображает целый душевный строй. «В этом двустишии – вся женщина», – отзывалась об ахматовской *Песне последней встречи* М.Цветаева. В изящно обрисованных деталях Ахматова, по замечанию Мандельштама, давала «всю огромную сложность и психологическое богатство русского романа 19 века». На поэзию А. Ахматовой громадное воздействие оказало творчество Ин.Анненского, которого Ахматова считала «предвестьем, предзнаменованьем, того, что с нами позже совершилось». Вещественная плотность мира, психологический символизм, ассоциативность поэзии Анненского во многом были наследованы Ахматовой.

Здесь мир О.Мандельштама был отмечен ощущением смертной хрупкости перед безликой вечностью. Акмеизм Мандельштама – «сообщничество сущих в заговоре против пустоты и небытия». Преодоление пустоты и небытия совершается в культуре, в вечных созданиях искусства: стрела готической колокольни попрекает небо тем, что оно пусто. Среди акмеистов Мандельштама выделяло необыкновенно остро развитое чувство историзма. Вещь вписана в его поэзии в культурный контекст, в мир, согретый «тайным телеологическим теплом»: человек окружался не безличными предметами, а «утварью», все упомянутые предметы обретали библейский подтекст. Вместе с тем Мандельштаму претило злоупотребление сакральной лексикой, «инфляция священных слов» у символистов.

Вопросы религии, философии, которых акмеизм чуждался в теории (на их отсутствии пенял акмеистам А.Блок), получали напряженное звучание в творчестве Н.Гумилева, А.Ахматовой, О.Мандельштама. Акмеистический период у этих поэтов продолжался сравнительно недолго, после чего их поэзия уходила далеко в область духа, интуитивных откровений, таинственности. Это во многом позволило исследователям, в частности литературоведу Б.Эйхенбауму, рассматривать акмеизм как новую ступень развития символистской поэтики, отказывая ему в самостоятельности. Однако титанические вопросы духа, оказавшиеся в центре внимания символизма, специально не заострялись акмеистами. Акмеизм вернул в литературу «человека нормального роста», заговорил с читателем с соблюдением обычной интонации, лишенной экзальтации и сверхчеловеческой напряженности. Главное свершение акмеизма как литературного течения – изменения масштаба, очеловечивание уклонившейся в сторону гигантомании литературы рубежа веков. Выдающийся ученый С.Аверинцев остроумно назвал акмеизм «вызовом духу времени как духу утопии». Соразмерность человека миру, тонкая психологичность, разговорная интонация, поиск полновесного слова были предложены акмеистами в ответ на надмирность символистов. На смену стилистическим блужданиям символистов и футуристов пришла взыскательность к отдельному слову, «вериги трудных форм», на смену религиозно-философским исканиям – равновесие метафизики и «здешнего». Идее «искусства ради искусства» акмеисты предпочли трудное служение поэта в миру (наивысшим выражением такого служения стал человеческий и творческий путь А.Ахматовой).